

Данная лекция подготовлена
при финансовой поддержке
Фонда «Русский мир»

*Блинова Анна Николаевна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры этнографии и
музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского*

ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА РУССКИХ СИБИРИ

План:

1. Этнография и история детства в современной исторической науке
2. Этнография детства русского населения Сибири
3. Детская субкультура русского населения Западной Сибири

Литература:

- Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины конца XIX – начала XX вв. Л., 1988. 291 с.
- Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009. 896 с.
- Карабулатова И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. Тюмень, 2004. 268 с.
- Кон И.С. Ребенок и общество: (Историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988. 269 с.
- Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX-XX вв.)
- Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. 566 с.
- Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. 688 с.

1. Этнография и история детства в современной исторической науке

На сегодняшний день детские исследования заняли прочное место среди актуальных и престижных направлений междисциплинарных исследований. Литературы по детству огромное количество, при этом оно вбирает себя материал из смежных областей от истории права до фольклористики, от этнографии и демографии до женских исследований и исследований маскулинности, от педагогики и психологии до истории моды.

На протяжении длительного периода времени внимание детям в истории не уделялось, их жизнь рассматривалась как часть всеобщего процесса, считалось, что никаких значительных отличий она не имеет и соответствует тем процессам, которые протекают в обществе в целом. Недостаточное внимание к детям в историографии привело к складыванию ложного впечатления о том, что в этом мире жили и действовали одни только взрослые, которые сразу таковыми и становились, что детство было лишь каким-то досадным придатком к полноценному, вездесущему и уважаемому взрослому миру. Дети, действительно, на первый взгляд, казались неочевидными в истории. Они оставили в ней слишком мало бросающихся в глаза следов, в том числе и исторических источников, созданных ими самими. Они, как правило, не оказывали активного влияния на так называемые «главные» исторические события. Напротив, история детей обычно ограничивалась миром рутинной повседневности и вписанным в ее контекст микромиром ее маленьких «экторов». Фокус истории детства (как, впрочем, и «историй» стариков, женщин, мужчин или семьи) был сконцентрирован, в первую очередь, на изучении человеческих чувств, эмоций, поведенческих стратегий и «опытов». Иначе говоря, и предметно, и проблемно-методологически это направление в исторической науке весьма очевидно вписывалось в историко-антропологическую исследовательскую парадигму и

составляло ее часть¹.

Кажущееся отсутствие или недостаток детей в истории, их мнимая удаленность от деятельности государственных институтов, экономических структур, больших «воображаемых» сообществ — это еще отнюдь не повод для исключения из сферы историографического анализа. Ведь реально детей в историческом прошлом было просто много: в разные исторические периоды они составляли предположительно от 40 до 65% населения. Как в силу своей массовости, так и в силу предначертанной им миссии трансляторов человеческого опыта они не могли не оказать существенного воздействия на развитие общества. По мнению современных зарубежных специалистов в области теории и социологии детства, детей следует рассматривать не только как «активных социальных конструкторов» их собственных жизней, но и жизней всех тех, кто их окружает, и, кроме того, самих тех обществ, в которых они живут. Такая «динамичность» и «вариативность» детства (а, вернее сказать, «детств») в истории предполагает их изучение в теснейшей связи с такими «социальными переменными», как класс, гендер и этничность. Нужно только суметь увидеть, найти этих детей, независимо от того, явным или неявным оказывается их присутствие в произошедших событиях и сохранившихся документах.

Что касается изучения истории повседневности, то дети, живя во «взрослом» повседневном мире, вынуждены были активно «присваивать» его и приспособливаться к нему. Поэтому изучение их «детского опыта» вполне может быть применено при реконструкции «взрослой» повседневности той или иной эпохи.

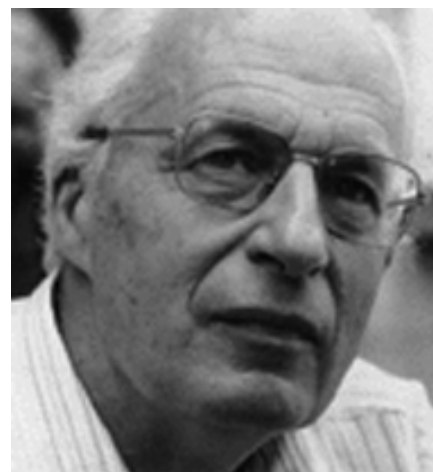
Историографический прорыв в изучении детства произошел лишь в 1960-е—1980-е гг. в связи с выделением ее в самостоятельную область исторического знания. На то был ряд причин; и социально-политических, и эпистемологических.

¹ Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. С 12.

Массовые движения социального протеста на Западе - так называемые «революции 1960-х» - обусловили особый интерес к историческому прошлому их непосредственных участников, а также и вообще всех «социально слабым», «забытым» или «вычеркнутым» из официальной историографии объектов - женщин, детей, черных и т.д. Складывавшаяся в этих условиях «новая социальная история» была ориентирована на изучение отдельных социальных структур, слоев и страт общества во всем их сложном взаимодействии и противоречивости. Движение за «историю снизу», или «народную историю», неизбежно влекло за собой появление все новых и новых самостоятельных и самостоятельных исследовательских объектов и дисциплин-детей и детства в том числе. В этой ситуации «children's studies/детские исследования» стали самостоятельным направлением в исторической науке, а история и этнография детства - самостоятельными субдисциплинами, развивающейся «под крылом» своей матери — социальной истории, постепенно все более приобретающей антропологические очертания. У истоков складывавшегося направления в значительной степени стояли историки-медиевисты, поскольку именно медиевистика и ранняя новистика стали в это время своеобразным полигоном для испытания новых исследовательских подходов и применения методологических новшеств².

Становление нового направления было ознаменовано появлением новаторской, парадигмообразующей работы Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке»³. Филипп Арьес по праву считается основоположником современной истории детства, а его книга - одной из самых известных и цитируемых в этой области.

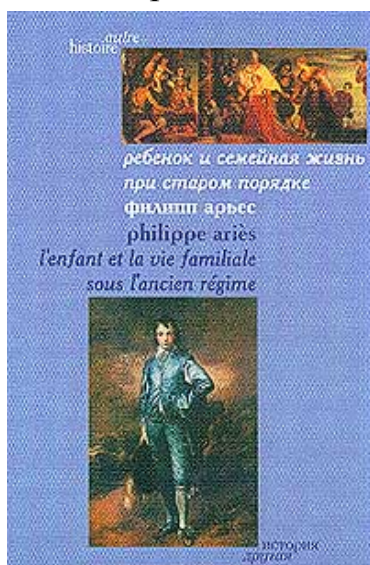
Рис. 1. Филипп Арьес

² Сальникова А. Указ. соч. С16.

³ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

Обратившись к изучению человеческого детства Арьес показал, что

мы склонны переносить наши современные представления о мире детства на отдаленные исторические эпохи, абсолютизируя, таким образом, незыблемость собственной ментальности.

Рис. 2. Обложка книги «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» Филиппа Арьеса

На самом деле, само понимание дефиниции «ребенок» изменялось в разных культурах, а представители каждой из них располагали совершенно особыми установками по поводу тех ролей и того поведения, которое было бы приемлемо в детском возрасте. В то же время детство как категория уникальная для каждого человеческого существа являлось категорией всеобщей для всего человеческого сообщества, что делало детей не только существенным, но и необходимым объектом историко-антропологического исследования. Французский историк сумел увидеть инаковость «других», в том числе и инаковость «другого» (в данном случае европейского средневекового) детства как особого культурно-исторического феномена⁴. Говоря словами историка ментальности Э.Ле Руа Ладюри, Арьесу удалось создать в своей книге настоящий «музей детства»⁵, в который с удовольствием стали приходить «посетители». Социокультурный подход стал с тех пор основополагающим при изучении истории детства и детей в истории.

В своей книге Арьес на примерах из разных сфер жизни и разных видов источников доказывает следующий тезис: понятие детства — не вневременная константа, имманентная человеческому сознанию, а исторически обусловленный концепт. «Открытие детства» в Западной

⁴ Кон. И.С. Ребенок и общество: (историко- этнографическая перспектива). М., 1988. С. 40.

⁵ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю. Екатеринбург, 2001. С. 41.

Европе происходит только в XVI–XVII веках вместе с открытием понятий частного и интимного и формированием современной семьи; до того имеет место «отрицание детства» — отсутствие самого этого понятия и особого отношения к детям. Из-за высокой младенческой и детской смертности (более 50%) потеря ребенка не считалась страшной утратой. Поэтому маленьких детей воспринимали, скорее, как материал, из которого что-то может получиться, а может и нет. Как только ребенок выходил из этого рискованного возраста — к нему тут же начинали относиться как к взрослому. Хотя тема «возрастов жизни» широко представлена в средневековом искусстве и литературе, на практике эти представления не применялись: в национальных языках не было слова «ребенок», люди не знали точно ни своего возраста, ни возраста своих детей. Сервантесовский Санчо Панса говорит о своей любимой дочери: «Ей лет пятнадцать, может, года на два старше или младше; но она большая, ростом с копьё»⁶.

Детей традиционно изображали либо как уменьшенных взрослых, либо типизированно (святые младенцы, ангелочки), и только с XVI века появляются портреты и словесные описания реальных детей. Тогда же начинают шить особую одежду для мальчиков (причем платья, в отличие от штанов и курток для взрослых мужчин), девочек же до XVIII века продолжают одевать как взрослых женщин. Та же эволюция прослеживается в отношении игрушек (не было специально детских игрушек — дети играли статуэтками, обрядовыми фигурками, безделушками), игр — от азартных до групповых спортивных — и праздников, которые раньше были общими у взрослых и детей.

Нет сфер жизни, табуированных для детского внимания: от него не скрывают ни смерть, ни секс. Лишь в XVI–XVII веках появляются идея детской невинности, требования стыдливости в общении с детьми и их этического воспитания.

⁶ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 26-33.

Столь же поздно возникает понятие и ощущение нуклеарной семьи — не рода и не супружеской пары, а семьи из родителей и детей. Вместе с этим появляются идея ответственности родителей перед детьми и обязательной заботы о детях, однозначное осуждение инфантицида, отсутствовавшее раньше, возможно, из-за непроговоренности родительских обязательств в каноническом праве — в результате, в народном представлении ребенок полностью принадлежал родителям, и это оправдывало любое насилие вплоть до убийства.

Прошло около десяти лет, пока идеи Арьеса усваивались и осмыслились, и в конце 1960-х — начале 1970-х годов стали выходить книги, как развивающие, так и опровергающие положения Арьеса. Среди первых надо назвать труды Эдварда Шортера и Лоуренса Стоуна, относящие появление романтической любви и современной семьи с нежным и внимательным отношением к детям лишь к XVIII веку⁷.

В критических по отношению к Арьесу работах можно выделить замечания методологические и концептуальные. Методологически Арьеса упрекали, во-первых, в нерепрезентативности источниковой базы: источники визуальные и литературные далеки от реальности, источники личного характера отражают практики и ментальность элиты, но не средних и низших слоев общества. Во-вторых, его обвинили — в подгоне материала под свои априорные концепции. Еще одной популярной темой научных дискуссий стала периодизация. Где проводить границу между Другим детством и детством Нашим, когда и благодаря чему изменились паттерны семейной жизни — в XV–XVI веках в ходе Ренессанса и гуманистической культурной революции, в XVI–XVII веках — благодаря протестантской и контрреформационной озабоченности воспитанием нового поколения в единственно истинной вере или же в XVIII столетии — в век Просвещения⁸.

⁷ Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Полит. ру
http://www.polit.ru/research/2008/10/03/zelenina.html#_edn4#_edn4

⁸ Там же.

С конца 1980-х годов история детства числится в тематическом багаже исторической антропологии и относится к ее социальному направлению. Как это бывает с любой обширной проблематикой в науке, тема детства дробится, происходят предметная дифференциация и хронотопическая локализация, наступило время case studies, более частных и предметных исследований. Среди выделившихся в истории детства (и на пересечении с другими направлениями) подтем надо назвать материнство, отцовство и взаимоотношения родителей с детьми.

И здесь стоит сделать некий экскурс в историографию. Дело в том что большинство выделенных тем к этому моменту стали традиционными в западной антропологии и связано это в первую очередь с именем Арнольда Ван Геннепа. В 1909 г. во Франции выходит книга Арнольда ван Геннепа «Обряды перехода»⁹, которая произвела большой резонанс в научном мире.

Рис. 3. Арнольд ван Геннеп

В ней он приводит «теорию обрядов перехода» (rites de passage), которая сохранила свое значение до сих пор при осмыслении обрядов семейного цикла. Согласно этой концепции, каждый человек на протяжении жизни проходит ряд критических рубежей, обусловленных радикальным

⁹ Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.

изменением его местопребывания, состояния, социального статуса и т.д. Издавна и повсеместно такого рода чрезвычайные ситуации, резко выделявшиеся на общем фоне привычного бытия, находились в центре самого пристального внимания человеческих сообществ. В течение жизни многих поколений были выработаны многообразные символические системы, призванные защитить, помочь преодолеть испытание с наименьшими потерями для человека в переходный период. Совокупность этих действий и была названа «обрядами перехода». Хотя Геннепа и критикуют, за не достаточную систематизацию и структурированность, смешение хронологических и территориальных рамок, но большинство ученых, которые работают с семейной обрядностью признают наличие обрядов перехода и активно употребляют этот термин сегодня а его книга этнографами цитируется не в меньшей степени чем книга Арьеса.

Что касается локализации, то помимо работ по проблематике детства и отдельных ее аспектов на материале различных конфессий, народов, стран в различные эпохи исследование детства становится неотъемлемым компонентом микроисторических case studies, посвященных социальным и родственным отношениям в том или ином узком регионе в тот или иной ограниченный период времени. Как уже было отмечено, с самого начала «children's studies» развивались как междисциплинарные. Специфика междисциплинарной ситуации состояла еще и в том, что в центре внимания оказывались не только объекты, но и методики, заимствованные из смежных дисциплин, что приводило не только к новому, «расширительному» пониманию предмета исследований, но и к обогащению их источниковой основы и применяемых исследовательских методов¹⁰.

Особенно большое «полидисциплинирующее» значение сыграли в этой связи исследования Маргарет Мид. И здесь опять же хотелось бы немного рассказать о исследователе имя которого я только что назвала. В зарубежных странах в конце 1920-х г. начался поворот от описательной

¹⁰ Сальникова А. Указ. соч. С. 18.

этнографии детства и воспитания к теоретической. Получила дальнейшее развитие дискуссия о соотношении влияния биологических и социальных факторов на развитие человека. Примерно в это же время начинает своё развитие психологическая антропология, прежде всего, это школа Франца Боаса, основная мысль которой сводится к следующему: у каждого народа есть специфическая для него «базовая структура характера», передающаяся путем воспитания детей из поколения в поколение и тем самым определяющая его историю и культуру. Положительная сторона этого подхода заключается в том, что впервые был поставлен вопрос о социально-методических детерминативах воспитания детей, обогатив методический арсенал этнографических исследований новыми психологическими методами.

Наибольшее влияние на развитие этнографии детства оказала американская исследовательница Маргарет Мид. Это первый этнограф, специализировавшийся именно на этнографии детства. Много лет она провела в полевых исследованиях, в результате написанные работы

«Взросление на Самоа», «Как растут на Новой Гвинее», «Пол и темперамент в трех примитивных обществах» и другие стали классикой этнографии¹¹.

Рис.4. Маргарет Мид.

В своих работах М. Мид доказывала то, что не культура зависит от детства, а культура наполняет содержанием детство. У каждого ребенка есть равные возможности, но каждая культура их видоизменяет по-своему. Новаторскими были не только вопросы

¹¹ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. 429 с.

исследования, но и его методы. М. Мид привлекала самые разнообразные источники для изучения жизни и воспитания детей. Она занималась изучением рисунков и игр детей, использовала для сбора информации тест Роршаха. Одной из первых она стала применять кино- и фотокамеру для фиксации материалов.

С именем М. Мид связано выдвижение ряда новых научных теорий: Различала в человеческой истории три типа культур с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями. Постфигуративные культуры — дети учатся у своих предков. Так, в патриархальном обществе, опирающемся на традицию и ее живых носителей, стариков, отношения возрастных групп жестко регламентированы, нововведения не одобряются, каждый знает свое место, господствуют чувства преемственности и верности традициям. Кофигуративные культуры — дети и взрослые учатся у равных, т.е. у своих сверстников. Влияние старших падает, а сверстников растет. Расширенная семья заменяется нуклеарной, поколеблена незыблемость традиций. Повышается значение юношеских групп, возникает особая молодежная субкультура. Термин «кофигуративный» (приставка «ко» обозначает вместе, сообща) отражает факт сотворчества учителя и учеников. Префигуративные культуры — взрослые учатся у своих детей. Такие культуры возникли с середины XX столетия и объединены электронной коммуникативной сетью. Они определяют новый тип социальной связи между поколениями, когда образ жизни старшего поколения не тяготеет над младшим. Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. Обостряются межпоколенные конфликты, молодежная культура перерастает в контркультуру.

История детства, как и другие «истории» (женщин, стариков, этнических и сексуальных меньшинств и т.д.) развивалась, несомненно, как составная часть истории вообще, истории общенациональной. Но, благодаря своей полидисциплинарности, она уже изначально не была ограничена лишь компенсирующими и комплементарными функциями, т.е. функциями

простого «дополнения» детей в историю. Детство в истории выступало как самостоятельное исследовательское поле, охватывающее не только изучение ребенка в истории, но и изучение самой истории, увиденной, осмысленной и запечатленной детьми с позиции их собственного «исторического» детского опыта. Она помогала понять, что значило быть ребенком в ту или иную историческую эпоху и рассмотреть процессы социального конструирования детства на протяжении столетий.

Несмотря на популярность «детской» темы в русскоязычной художественной литературе и мемуаристике, история детства, в том числе и детства российско-советского, долгое время оставалась вне внимания историков-профессионалов. Правда, еще в первые десятилетия XX века изучением проблем социализации ребенка активно занимались российские ученые-педологи¹. Педология как наука об изучении ребенка в совокупности его психологических, биологических и социальных данных начала развиваться в США и Западной Европе в конце XIX века. Именно конец XIX в. считается сегодня временем зарождения детской психологии как ветви сравнительной психологии¹. Весьма активизировались такого рода исследования в 1920-е - начале 1930-х гг. Педология, претендовавшая на звание комплексной науки о ребенке, была ориентирована на всестороннее исследование детства, в том числе на изучение детства в различных социальных условиях. Помимо выдающихся отечественных психологов, заложивших теоретические основы детской психологии в России и разработавших вопрос об историческом происхождении периодов детства, таких как Л.С.Выготский и П.П.Блонский, в рядах педологов оказалось немало исследователей, интересующихся проблемами социальной адаптации ребенка в новых, советских условиях. Их работы, основанные на широком анкетировании и опросах российских детей, помимо психолого-педагогической, представляли и продолжают представлять собой несомненную источниковедческую и историографическую ценность. Среди педологических исследований 1910-х - 1920-х гг. необходимо особо выделить труды Н.А.Рыбникова. Он внес

заметный вклад в изучение истории детства в России за счет активно разрабатываемого им метода «психографии» - биографического метода в психологии, в том числе и в детской. Источниковым обоснованием этого метода явились многочисленные анкетные обследования детей, в которых он постоянно участвовал, а несколько позднее - собираемые и исследуемые им детские дневники. Рыбников не раз ставил вопрос о необходимости исторического подхода к изучению детства, поскольку дети, по его словам, всегда отражали особенности культуры определенной эпохи и одновременно являлись носителями идей будущего. В середине 1950-х гг. ученый приступил к реализации проекта «История русского ребенка. Опыт сравнительного изучения истории детства русского ребенка (за 200 лет)». Однако смерть не позволила ему завершить начатую работу. В 1936 году педология в СССР была объявлена лженаукой, и педологические исследования оказались свернутыми и надолго забытыми¹².

Изучением детей и детства занимались также советские этнографы и фольклористы, которые имели возможность опираться на труды своих дореволюционных предшественников по истории повседневной жизни и быта

русского народа, а также на достижения школы «этнографии детства» Г.С.Виноградова и О.И.Капицы. Именно Виноградов обратил внимание на специфичность «страны детей» и поставил задачу выделения ее как самостоятельной ветви этнографической науки и ее изучения. Сферой его интересов были разные аспекты жизни ребенка: детский народный календарь, детская сатирическая лирика, детские тайные языки, детский фольклор.

Рис. 5. Г.С. Виноградов

¹² Рыбников Н.А. Детские дневники как материал по детской психологии. М. 1946.

В теоретической части своих работ Г.С. Виноградов разводит понятия «детская этнография» и «народная педагогика». Первое непосредственно связано с детьми, включает все элементы их субкультуры, которая создается и бытует исключительно в детской среде. В этой области он выделяет два периода: процесс вхождения нового поколения в жизнь взрослых, то есть наследование культурного опыта, и процесс введение во владение, то есть передача культурного наследия одним поколением другому. «Народную педагогику следует рассматривать, как совокупность навыков и приемов, применяемых в целях формирования личности в определенном направлении, то есть определенная сумма знаний и умений».

Рис. 6. Обложка книги «Этнография детства и русская народная культура в Сибири» Г.С. Виноградова

В связи с этим необходимо учитывать и изучать такое явление как «народная философия», которая непосредственно влияет на всю жизнь людей, в том числе и на представления о правильном воспитании. «Самым богатым источником, который может раскрыть идеи, средства и способы народной педагогики является особый вид словесных произведений, вызванных к жизни едва ли не исключительно педагогическими наблюдениям: это особый отдел фольклора, устная литература для детей, поэзия пестования, в своей совокупности составляют хрестоматию для детей всех возрастов»¹³.

В советской историографии, все более ориентирующейся на изучение

¹³ Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009.

«истории сверху», складывалась довольно курьезная ситуация. Российские «народные массы», без упоминания которых не обходилось ни одно историческое исследование, выполненное в рамках марксистско-ленинской исторической парадигмы, оказывались «массами» без детей, кроме, может быть, нескольких хрестоматийных фигур, которые кочевали из одного учебника в другой, из одного детского периодического издания в другое. Это были «дети-образцы», дети - герои советских мифов.

В 1960-1970-е гг., когда история и этнография детства за рубежом уже успешно и целенаправленно развивалась как самостоятельное направление, мало кто в СССР был даже осведомлен о его существовании. Это касалось, в том числе, и результатов изучения зарубежными исследователями истории русского/советского детства. Приобщение к достижениям западной россиеведческой мысли проходило тогда в отечественной историографии в основном через критику «буржуазной советологии», понимаемую как ее всецелое отрицание. Справедливости ради, заметим, что и само зарубежное россиеведение, только еще преодолевавшее стереотипы «тоталитарной модели» и переходившее к изучению истории социальной, не особенно активно обращалось к российско-советской «детской» проблематике. Советская историография, в свою очередь, находила в трудах «советологов» гораздо более идеологически важные объекты и сюжеты для критики, нежели чем история детей и детства в России и СССР¹⁴.

Вообще же, в изучении детства в отечественной науке лидируют советологи: советское и постсоветское детство лучше всего описано и осмыслено — в категориях исторических, антропологических, социологических и фольклористических. Такое распределение исследовательского внимания объясняется как хорошей обеспеченностью источниками (включая средства «устной истории»), так и наличием соблазнительного для ученого зазора между оптимистической официальной риторикой и мрачной «реальностью», воспринимаемой ретроспективно, а

¹⁴ Сальникова А.А. Указ. соч. С. 24-25.

зачастую еще и через ряд фильтров. Различные аспекты проблематики детства этой эпохи регулярно затрагиваются в таких журналах, как «Новое литературное обозрение», «Ab Imperio», ежегоднике «Социальная история»; вышло также несколько тематически очень насыщенных, междисциплинарных сборников статей: о педагогических стратегиях и гендерных моделях социализации, о детях в неполных, гомосексуальных, религиозных/традиционных, иммигрантских и разных других семьях, о рефлексии детского опыта в кино и литературе (от Ф. Сологуба и З. Гиппиус до С. Соколова и Т. Кибирова), о детях-консюмеристах и молодежных субкультурах и т.д. — на советском и постсоветском пространстве (Мальчики и девочки 2004; Семейные узы 2004; Отцы и дети 2005)¹⁵.

В изучении советского детства преобладают работы по 1920–1930 годам, что вполне объясняется переломным характером этого периода, периода становления, когда разрабатывались и внедрялись новые представления о детстве и семье, новые педагогические идеи и пропагандистские стратегии, когда в результате Первой мировой войны, революции, гражданской войны и дальнейшей нестабильности в стране оказалось небывалое число беспризорных детей и государство развернуло обширную деятельность по борьбе с беспризорностью (последняя тема актуальна также для военного и послевоенного периода 1941–1955 годов). Любопытно, что при наличии исследований восприятия детства, детской темы в литературе, образования и «идеологического воспитания» и некоторых других вопросов количественно доминируют работы именно по политике молодого СССР в отношении сирот и беспризорников, а также по иным государственным проектам 1930–1950-х годов — особенно диссертации в региональных вузах. Таким образом, эти исследования по истории детства построены на законодательных источниках

¹⁵ Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Полит. ру
http://www.polit.ru/research/2008/10/03/zelenina.html#_edn4#_edn4

и делопроизводственных документах, то есть относятся в то же время к более традиционным областям — истории права и истории госучреждений.

Отдельно нужно упомянуть блок фольклористических исследований по образу ребенка и ритуалам детства как в традиционной русской, так и в советской культуре (Баранов 2000; Родины, дети, повитухи 2001; Белоусова 2003). Особую популярность, естественным образом, снискали работы по фольклору субкультур: советского детсада и школы, пионерии, хиппи и др. (Щепанская 1993, 2004; Лойтер 1995, 1996; Головин 1997; Русский школьный фольклор 1998; Белоусов 2002). Академическое изучение советского детства соприкасается, а вероятно, и подпитывается «народными мемуарами». Среди нынешних 30–40-летних стало популярно вспоминать и фиксировать различные аспекты и реалии своего детства и юности (от школьной формы и автоматов с газировкой до телепередач, кино, страшилок и проч.), в первую очередь, в Интернете, особенно в блогговом пространстве¹⁶.

Сегодня у нас «детские исследования» — это все, что «про детей вообще». В целом же, исследование истории детства в России еще только начинается. Неслучайна поэтому та неравномерность, которая наблюдается в данной исследовательской сфере, когда неизученных сюжетов и проблем оказывается, пожалуй, гораздо больше, чем изученных. Недостаточное внимание к научному опыту, выработанному мировой историографией, ограничивает методологические возможности историков детства, сводя их исследования зачастую лишь к «расширительным» и фиксирующим описаниям. Неструктурированность самого понятия детства обуславливает изучение его «целиком», без учета возрастных, тендерных, национальных и других его составляющих. Проблемы историографии и источниковедения истории детства еще только предстоит решить. «Визуальный», «лингвистический», «микроисторический», «дискурсивный», «гендерный» подходы в его изучении

¹⁶ Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Полит. ру
http://www.polit.ru/research/2008/10/03/zelenina.html#_edn4#_edn4

также ждут своей реализации. Между тем, есть основание надеяться, что имеющиеся на сегодняшний день результаты позволят постепенно преодолеть маргинальное положение этого научного направления в российской исторической науке. Это подтверждают, в частности, исследования по истории советского детства, появившиеся в последние годы и обозначившие новые тенденции и подходы в изучении отечественной истории XX века.

2. Этнография детства русского населения

Теперь перейдем непосредственно к этнографии детства русского населения Сибири. Среди богатого и своеобразного культурного наследия русского народа важное место занимают традиции, связанные с социализацией детей в семье. Культура народа накладывает отпечаток на семейный уклад жизни, а через него на процесс вхождения детей в мир взрослых. Отношения, возникающие внутри семьи, оказывают значительное влияние на личностное развитие ребенка. Поскольку культурные традиции семейного воспитания складывались веками, в педагогической культуре родителей воплощается накопленный человечеством опыт воспитания детей в семье. Они (культурные традиции) представляют собой нравственные законы и принципы человеческих взаимоотношений, выработанные данной культурой. Именно в культурных традициях семейного воспитания находят отражение правила межличностного взаимодействия, которые передаются от родителей к детям. Таким образом, в культурных традициях народа закрепляются законы социального взаимодействия, на которые опираются взрослые члены семьи в процессе социализации детей.

В лекции особое внимание мы уделим хронологическому периоду с конца XIX в. до середины XX в. В этот период в России растут и бурно развиваются промышленность, научный и культурный потенциал. И люди, живущие в городах, становятся носителями европейской культуры и образованности, ведут образ жизни, характерный для индустриального общества, их мировоззрение соответствует стандартам промышленно развитых стран. В то же время русские крестьяне, составляющие большую часть населения страны, продолжают жить в рамках традиционного общества, более соответствующего доиндустриальным стандартам. Для них опыт, накопленный многими поколениями, нечто незыблемое, вечное и обязательное. Естественно, что взгляды русских крестьян на воспитание детей отличались от современных. Они сформировались на базе

практических знаний, православного вероучения и древних, еще языческих верований. Суждения крестьян о детях, детстве были тесно связаны с восприятием ими такого сложного понятия как жизненный путь.

Он представлялся длинной и трудной дорогой, по которой человек идет от момента рождения до момента смерти, причем начало и конец пути смыкаются в одной точке: «Родится человек на смерть, а умрет на живот (жизнь)».

Рис. 7. «Новый член семьи». Художник: Лемох Кирилл Викентьевич. 1880-е.. Источник: Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб, 2003. С. 87.

Жизненная дорога («век») делили на три этапа: детство, взрослость, старость. Детство рассматривалось как время роста и подготовки к

выполнению своих жизненных задач. Взрослость - время расцвета, когда человек разрешает стоящие перед ним трудовые, семейные, родительские задачи, выполняя свое предназначение на земле. Старость – это время передачи социально значимых ролей более молодым и период подготовки к возвращению в «иной мир», из которого человек явился на землю. Переход от одной фазы жизни к другой обычно отмечался ритуальными действиями – «обрядами перехода»¹⁷.

¹⁷ Шангина И. «У кого детей много, тот не забыт у Бога» // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 6.

Детство начиналось с момента рождения человека, или, как говорили, с момента прихода в этот мир и заканчивалось в 14 – 16 лет. Критерии принадлежности к следующей, взрослой, группе были довольно условны: при этом учитывалось физиологическое состояние, готовность к выполнению главных жизненных функций – деторождению и труду, так же принималось во внимание некоторые субъективные признаки, такие, например, как тип поведения.

В русской традиции первые полтора-два года жизни ребенка называли **младенчеством**. Самого ребенка в этом возрасте называли: «младенец», «младень», «кувяка», «повятыш», «паполза», «слигоза», «подсосок» и т.д.¹⁸. Все эти термины указывали на беспомощность, бесполость, несамостоятельность ребенка. Главная жизненная задача младенца – закрепиться с помощью матери на земле. Младенчество заканчивалось, когда по крестьянским понятиям, ребенок «вошел в первый разум», то есть научился сидеть, ходить, произносить первые осмысленные слова, есть ложкой и пить из чашки.

Рис. 8. Детская мебель.
 Источник: Станюкевич Т.В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (Украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в. / Под ред. В.А. Александрова [и др.]. М., 1970. С.73–74.

Это событие в некоторых местностях отмечали приглашением крестных родителей и ближайших родственников на «подстриг» - обряд

¹⁸ Шангина И. «У кого детей много, тот не забыт у Бога» // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 7.

первой стрижки волос ребенку, сопровождавшийся угощением собравшихся. Теперь перед ребенком вставали новые задачи. Он должен был расти, физически крепнуть, познавать мир. Воспитанием детей до семи лет в современном понимании крестьяне не занимались. Они считали, что дети еще слишком малы и неразумны. Ребенок в этом возрасте должен жить вольной жизнью, то есть быть свободным от жесткой опеки со стороны взрослых.

Рис. 9. «Варька». Художник К. В. Лемох. 1983 г.

Источник: Большая художественная галерея. <http://gallerix.ru/album/200-Russian/pic/glrx-985250854>

Жизнь детей до семи лет проходила в игре. Представление о том, что детям самой природой велено играть, нашло выражение во множестве русских пословиц и поговорок: «Старый спать – молодой – играть», «Молод с игрушками, а стар с подушками». Игра была основным занятием детей и способом подготовить ребенка к взрослой жизни, в ней воспроизводились типичные жизненные ситуации, социальные отношения, характерные для традиционного общества. Через игру усваивались нормы и правила поведения в обществе, развивалось чувство товарищества, взаимопомощи, уважения, кроме того, тренировалась физическая сила, ловкость, быстрота, развивались различные способности, заложенные в ребенке¹⁹.

¹⁹ Шангина И. «У кого детей много, тот не забыт у Бога» // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 9.

Вольная жизнь детей заканчивалась в 7-8 лет, когда они вступали в пору отрочества. Новый этап отмечался иной, чем прежде, возрастной терминологией, которая определяла ребенка как существо растущее, расцветающее. Мальчиков 7-12 лет называли «недорослями», «мальцами», «малолетками», девочек – «ярицами» (расцветающими). Мальчики и девочки достигшие подросткового возраста по мнению окружающих были готовы к восприятию всего, что положено знать взрослым людям.

Рис. 10. На крыльце избы.
Художник: Фелицин Р.И. 1855.
Источник: Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. С. 80.

В период отрочества они приобретали трудовые навыки и знания, необходимые им в дальнейшей жизни, этот процесс проходил по продуманной, отработанной многими поколениями схеме, которая соответствовала физическому и психологическому развитию ребенка. И нужно сказать, что социализация имела четкую гендерную специализацию. Традиционное деревенское воспитание детей «конструировало» социальные различия полов сызмальства. Сопоставляя этнопедагогические традиции разных восточно-славянских, да и не только славянских народов, можно найти немало специфичного, однако, установка на дифференцированное воспитание мальчиков и девочек, на различия в их системе ценностей и жизненных ориентирах – практически повсеместна.

Существующие в обществе гендерные стереотипы в известном смысле

определяют направленность, цели и задачи воспитания. Их можно объединить в 3 группы. Первая – это стереотипы «мужественности» и «женственности». Это нормативные представления о том, какими психическими и поведенческими свойствами обладают (или должны обладать!) мужчины и женщины. Мужчина, согласно стереотипу мужественности, олицетворяет творческое начало, а женщина – репродуктивное. Мужчина – активен, женщина – пассивна. Можно привести и негативные черты, присущие «типичным мужчинам» и «типичным женщинам»: типично-отрицательными качествами мужчины признаются обычно грубость, авторитаризм, а типично-отрицательными качествам женщины – плаксивость, болтливость, неуживчивость. Во все эпохи, во всех культурах мужчинам приписывалось больше положительных качеств, нежели женщинам²⁰.

Вторая группа гендерных стереотипов закрепляет семейные и профессиональные роли в соответствии с полом. Половые роли – существующие в обществе стереотипы мужественного и женственного поведения, некие соответствующие им представления и ожидания, которым каждый человек должен соответствовать, чтобы быть принятым и понятным человеком другого пола. Для женщин главными социально-половыми ролями являются роли семейные (мать и воспитательница, хозяйка), для мужчин – профессиональные. Успешность мужчины оценивается по его профессиональным успехам, женщины – по наличию семьи и детей.

Третья группа гендерных стереотипов связана с различиями в содержании труда. Согласно концепции так называемой «естественной дополнительности полов», удел женщин – исполнительский и обслуживающий характер труда (экспрессивная сфера социальной жизни), а

²⁰ Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.) Тамбов, 2002. Доступ через: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambov02.pushkar

область деятельности мужчин – творческий, созидательный, руководящий труд (инструментальная сфера социальной жизни)²¹.

Первая группа гендерных стереотипов – стереотипы «мужественности» и «женственности» воспроизводилась самим подтекстом крестьянского воспитания. Своими повседневными поступками, содержанием поведения любой из и родителей, сверстников, соседей по сути дела постоянно объяснял ребенку, какая она «долюшка женская» или что значит «быть мужиком».

Из девочки должна была вырасти работящая, хозяйственная, бережливая, терпеливая, некрикливая (неболтливая), послушная, умеющая быть гостеприимной жена и мать. Среди воспоминаний о детстве, проведенном в крестьянских семьях, немало примеров того, как в девочках воспитывалось прилежание, терпение и бережливость.

К тому, что девочка рождена для того, чтобы выйти замуж и создать свою семью, приучали с первых колыбельных:

Спи-ко, девица, спи, красавица,
Спи-ко в камке – пробудись в тафте,
Пробудись в тафте, в алом бархате
Вырастешь большая – станем замуж отдавать
Станем замуж отдавать – вместе станем
пропивать...

Рис. 11. Девочка.

Источник: «В гостях у семейских. Староверы Бурятии» <http://starovery.narod.ru/>

Девочке постоянно внушали: счастливой можно стать, только если ты

²¹ Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.) Тамбов, 2002. Доступ через: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambov02.pushkar

будешь в браке, если у тебя будет законный муж. Чуть девочка подросла – до ее сознания начинал доходить смысл пословиц: «С мужем – нужда, а без мужа и того хуже», «Не найдешь паренька – выйдешь замуж и за пенька!». С первостепенностью вопроса о замужестве было связано и стремление вырастить красивую девочку.

Своей озабоченностью внешним видом девочки, постоянными обращениями (типа «Ты – моя красавица!») мать и другие пестуньи (воспитательницы) убеждали малышку, что быть внешне привлекательной – очень важно. Внимание девочки постоянно направлялось на те предметы и игрушки, на которые ей стоит обратить внимание именно потому, что они соответствуют ее полу (зеркальца, расчесочки, посуду). И, наконец, именно девочек особенно часто просили помочь по хозяйству, по дому, показывая тот основной круг дел и навыков, которые ей в будущем предстоит усвоить.

Стереотип мужественности включал в себя «веселость», «здоровье», «силу», «смышленость», «материальное благополучие» (богатство). Будущим мужчинам, которым желали смышлености и жизненной удачи, освоить обычные мужские специальности:

Спи, сыночек, спи, родной,
А как вырастешь большой –
Будешь лес рубить, будешь рыбку ловить,
И тетерку ловить, татку-мамку кормить...

Рис. 12. «Няня». Художник. М. Игнатьев. 1913 г. Источник: Энциклопедия живописи и графики. <http://www.art-catalog.ru/>

Девочка в традиционной семье должна была сызмалства научиться слушать вначале старших, а затем – мужа. С детства она слышала поговорку:

«Баба – что мешок, что положишь, то и несет» - и внимала тому, что в нее могут «положить» любое знание или мнение, а потому должна будет разделять его; будущий мужчина с детства обучался все решения принимать волевым образом, а будущая женщина понимала с детства, что ее жизненное пространство будет ограничено («Мужик на дворе – баба в избе»).

Мальчик не должен был ни в чем напоминать девочку. С детства он слышал, что многое из того, что зовется «бабьим» - есть недостойное или неполноценное. Мальчика учили с детства, что плакать – это дело женское («Женский обычай – слезами в беде помогать»), но никто не объяснял ему, как же себя вести в тех случаях, когда плакать нельзя – он моделировал свою жизнь по аналогии с другими сверстниками или ребяташками постарше его.

Рис. 13. Крестьянские мальчики.
Художник: Богданов-Бельский Н.П.
Источник: Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003. С. 588.

Мальчики легко усваивали, общаясь со старшими братьями, видя соседей, что от них требуется известная наступательность, желательно дополненная умением помахать кулаками. Так что потребность и умение «мериться силой», драться считались положительными качествами, и деревня воспитывала мальчишек таким образом повседневной жизни.

Немалую роль в воспитании маленьких мальчиков играли их старшие братья («Чуть дети подрастут – сами друг друга поднимают», - так говорили в сибирской деревне. Именно с них младшие брали образцы «мужского» поведения и перепроверяли избранную модель его и утверждались в ней. Не

случайно говорили: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – весь сын». Трижды повторенный опыт мужского воспитания прочно закреплял его. К старшему мальчику относились как к пожизненному члену домохозяйства, главному наследнику семейного имущества («земельной душе»). Он безусловно оказывался в лучшем положении в семье по сравнению с сестрами. Ему часто напоминали о том, что он отличен от женской части семьи, не похож «на бабу»²².

В крестьянских семьях из поколения в поколение воспроизводился баланс «суровый отец/заботливая мать». Во многих воспоминаниях отец описан как человек властный, заставляющий детей бояться себя, а мать – как добрая покровительница. Короче это выразила русская поговорка: Где строгость – там и милость».

Рис. 14. Людмила Шаманская с детьми. 1958 г. Автор фото: Сабурова Л. М.
Каталог изображений из иллюстративного фонда
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, учетный номер 1753-346
Источник: <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=PHOTO>

Вторая группа гендерных стереотипов – «распределение ролей», недопустимость их смешения или замещения – также внушалась детям с

²² Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.) Тамбов, 2002. Доступ через: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambov02.pushkar

раннего возраста.

Женщина, «баба» - это «не совсем человек», «пол-человека». Кто не знает присловий: «Курица – не птица, баба – не человек», «Гляжу – идут двое, ан – это мужик с бабой». Девочка слышала сызмальства, что «Бабыя дорога – от печи до порога» и не надеялась изменить тот образ жизни, который был уделом ее матери, сестер, бабушки. Только в сказках маленькие девочки и брошенные невестушки отправлялись искать своих братьев да суженых за тридевять земель. Обычная жизнь такого не допускала. Ко времени замужества девочка должна была четко знать «свою роль» и не претендовать на помощь в ее выполнении.

В целом воспроизводство семейной и общественной половых ролей было жестко «специализировано»: мать обучала девочек, отец – мальчиков (за исключением раннего возраста, до 3 лет, когда все дети были «на руках» у женщин). Девичьи игрушки были отделены от мальчишечьих. Девочки играли в куклы, имели подобия прялок и кукольной мебели, посуды и утвари, мальчикам дарили модели оружия и сельскохозяйственных орудий. По крайней мере до 5-6 летнего возраста дети имитировали жизнь взрослых. С возраста же 5-6 лет начиналось направленное, осознанное, систематическое обучение «женской» и «мужской» социальным ролям.

Воспитание мальчиков предполагало внушение представлений об истинно мужских обязанностях: работать, как следует, быть в силах семью содержать. Только слабым здоровьем сыновей, «убогих» родители освобождали от тяжелой работы и направляли, скажем, учиться грамоте.

Третья группа гендерных стереотипов – «содержание труда» - предполагала ориентацию девочек на женскую домашнюю работу, а мальчиков – на выполнение мужских обязанностей по дому и вне дома.

Как уже было сказано, воспитанием девочек занимались матери, бабушки, старшие сестры, а мальчиков – мужская половина семьи. Считалось, что недостаточно научить ребенка работать, необходимо способствовать формированию у него соответствующего мировоззрения,

дать психологическую подготовку к бедующей жизни, привить свойственные крестьянскому миру морально-нравственные оценки труда и трудящегося человека. Всеобщее разрушение традиционной культуры в сельской местности в меньшей степени задело трудовую деятельность, в том числе и трудовое воспитание, поскольку эта сфера определялась неизменными потребностями сельского хозяйства.

Обычно, говоря о трудовом воспитании, исследователи в первую очередь останавливаются на половозрастном разделении труда детей и подростков, обращают внимание на специфику обучения в разных возрастных группах отдельным видам работ. Первой обязанностью девочки было нянчить младших братьев и сестер. В этом возрасте девочка выполняла мелкую работу по дому и хозяйству: подметала пол, носила к печке дрова, присматривала за домашней птицей и животными. Девочка 10-11 лет начинала осваивать полевые работы: вязала снопы, собирала оставшиеся колоски. Кроме того, в этом возрасте она уже умела прясть, шить,

приучалась ткать, помогать матери в приготовлении еды для всей семьи. В 12-13 лет она должна уметь жать, молотить, полоть грядки, доить коров, готовить, стирать, ткать и вышивать.

Рис. 15. Девочка за работой.
Источник: Фотокаталог музея-заповедника «Кижы»
<http://kizhi.karelia.ru/collection/catalogs/photo/photo.htm>

К пятнадцати годам она приобретала все знания, необходимые крестьянской женщине - будущей хозяйке дома²³.

²³ Лаврентьева Л.С. Социализация девочек в русской деревне // Мир детства. Традиционная культура народов СССР. Л., 1991. С.27-35

Мальчиков к трудовой деятельности готовили дольше, чем девочек. Мужская работа зачастую была сложнее женской и требовала большего физического напряжения. Обучение мальчиков заканчивалось обычно в 17-18 лет. Привлечение их к работе начиналось, как и девочек, в 7-8 лет. Обычно отец старался научить мальчика этого возраста управлять лошадью. В 9-10 лет подросток мог уже самостоятельно запрячь, распрячь лошадь, на нем лежали основные обязанности по уходу за животным, кроме того, постоянной обязанностью становиться – помощь отцу в поле (боронил).

Рис. 16. «Боронование». Художник: Каразин Н.Н. 1902. Литография
Источник: Шангина И.И. Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб, 2003. С. 158.

Зимой они участвовали в заготовке дров. В 13

лет мальчик приучался к пахоте, косьбе. В полном же объеме юноши к полевым работам привлекались с 17-18 лет, исключение делали только для особо развитых физически подростков. Параллельно с этим шло обучение мальчиков ремеслу. Оно проходило обычно в зимнее время в течение двух-трех лет на дому у мастера.

Содержание воспитания в крестьянских семьях – как теперь бы сказали, традиционная воспитательная парадигма – имело прагматичную подоснову: конкретная семья и крестьянский «мир» хотела побыстрее вырастить из ребенка нового работника, который бы не выделялся из общей массы. От детей в традиционных семьях требовалось одно: подражать старшим, быть на них похожими, честно выполнять заданную жизненную роль. Потребность детей и взрослых в развитии личных, неутилитарных отношений была вторичной по сравнению с практическими задачами.

Традиционная педагогика культивировала взгляд на ребенка как на объект приложения сил воспитателей. На досуг времени почти не оставалось, а игра как основной вид детской деятельности ущемлялась во времени и жестко регламентировалась взрослыми²⁴.

На это же была направлена и игровая деятельность - дети в играх воспроизводили манеру поведения взрослых: мальчики – мужчин которые распоряжались, настаивали, направляли), а девочки – женщин (которые готовили еду, стирали одежду, отправлялись за водой и на покос и т.д.) – это подражание неизменно поощрялось взрослыми. Современные исследования детских игр показывают, что дети 4-5 лет особенно охотно воображают себя родителями, перенимая манеру их поведения и установки. Именно в этом возрасте дети ощущают, что за соответствующее их полу поведение их чаще поощряют и реже критикуют. Участие мальчиков в мальчишеских играх, а девочек – в девчоночьих поощрялось не только взрослыми, но и особенно сверстниками. Сверстники как агенты социализации оказывают огромное влияние на детей 3-6 лет, подкрепляя (осуждая) типичное (или нетипичное) для данного пола поведение друг друга. Досуг, считавшийся «мальчишечьим» (строительство снежных городков, игры в казаков-разбойников) не предполагал участия в играл девочек и, наоборот, невозможно представить себе мальчика за прядением в девичьей светелке или шьющим куклу.

Повседневные игры мальчиков и девочек в не меньшей степени, чем серьезная помощь взрослым, формировании стереотипное распределение жизненных ролей. Мальчишечьи игры выковывали мужские эмоции и волевые качества – выносливость, упорство, умение постоять за себя и друга, стремление к победе, великодушие к побежденному.

²⁴ Пушкарева Н.Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье и перспективы ее ломки в условиях социальной модернизации // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.) Тамбов, 2002. Доступ через: http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=tes_tambov02.pushkar

Девичьи игры раннего возраста даже были более ориентированы на женский, материнский труд, нежели мальчишечьи – на мужской. Буквально только что родившейся девочке принято было дарить прялку, так что в 3 года многие малышки умели крутить волну. В 5-6 лет для девочки большую роль играли куклы – родители не опасались давать иголку таким маленьким детям. Одежда для кукол очень часто шилась девочками. Поскольку до 6-8 лет мальчики и девочки носили одинаковую одежду – рубашку, постольку шить рубашки девочки обучались очень, столь же рано, как мальчики – строгать, пилить, мастерить по хозяйству.

Подводя итоги и оценивая традиционное воспитание детей разного пола в русских семьях, отметим, что именно в русском фольклоре, можно найти немало примеров смены гендерных ролей. Не случайно и то, что эти пословицы малоизвестны, не слишком популярны в современном обиходе. Такие присловья, как «Жена муже не бьет – под свой норов ведет», «Женский ум лучше всяких дум», или, например, кто не знает присловья «Утро вечера мудренее», но мало, кто знает продолжение: «Утро вечера мудренее – жена мужа удалее». Все эти присловья и пословицы отражают реальную жизнь, в которой бывало, как и сейчас, всякое, но общая тенденция была такой, что из девочек надо было вырастить «хозяек и служанок по призванью», из мальчиков – кормильцев, защитников, глав семейств.

Важной составной частью традиционной системы воспитания была религиозная социализация ребенка. В период отрочества детей приобщали к религиозно-обрядовой жизни общества. В 7 лет ребенка первый раз вели к исповеди и причастию, предварительно обучив его двум молитвам: «Отче наш» и «Богородица, Дево, радуйся»²⁵. Дети усваивали основы православия, читали Псалтирь и молитвенники, им рассказывали христианские предания, знакомили с житиями святых, обучали духовным стихам. Параллельно с

²⁵ Красноженова М.В. Ребенок в крестьянском быту: Семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX - первой трети XX вв. Новосибирск, 1998. С. 11.

изучением православных традиций шло освоение и «дедовского наследия»: преданий о происхождении мира, о героях, о всевозможной нечистой силе и т.п. Эти знания приходили к детям из пересказанных бабушкиных мифов, легенд, волшебных сказок, былин и быличек.

В целом, этнопедагогическая система русского народа была направлена на постепенное вхождение ребенка в крестьянский социум, освоением им системы знаний и умений, необходимых для нормальной жизни в социуме.

3. Детская культура русского населения Сибири

В этом вопросе мы рассмотрим детскую культуру, которая создается самими носителями этой субкультуры, то есть детьми, но и элементы культуры взрослых людей, которые создаются для детей. В общечеловеческой культуре детская субкультура занимает подчиненное место, и вместе с тем она обладает относительной автономией, поскольку в любом обществе дети имеют свой собственный язык, различные формы взаимодействия, свои моральные регуляторы поведения, весьма устойчивые для каждого возрастного уровня и развивающиеся в значительной степени независимо от взрослых.

На наш взгляд, детская субкультура, хотя и имеет специфические, присущие только ей черты, все же существует как важная часть социальной структуры общества, включенная в систему социальных отношений и находящаяся в постоянном взаимодействии с культурой взрослых. В то же время, и с этим нельзя не согласиться, субкультура взрослых принципиально отличается от детской субкультуры. Культурное наследие предков рассматривается подрастающим поколением как культура прошлая, устаревшая. Детская же субкультура, естественно, выступает альтернативой взрослой, и воспринимается как новая, прогрессивная, осмысленная и переработанная ребенком. Кроме того, детская субкультура не является неким этнически безликим образованием. Первичная социализация ребенка происходит в мире конкретной этнической культуры и существует (одновременно) в среде других этнических культур. М.В. Осорина выделяет факторы, определяющие формирование ребенком определенного мировосприятия в процессе социализации. Первый фактор – это влияние взрослой культуры, активными проводниками которой являются, первоначально родители, а затем – другие воспитатели. Второй фактор – это личные усилия ребенка, проявляющиеся в разных видах его деятельности. Третий – это воздействие детской субкультуры, традиции которой

передаются из поколения в поколение детей и имеют чрезвычайное значение для освоения окружающего мира²⁶.

В содержании детской субкультуры разные авторы выделяют различные компоненты. Традиционно особое внимание уделялось и уделяется исследованию детского фольклора, хотя этот компонент не охватывает всего многообразия форм жизнедеятельности ребенка.

Принятая в отечественной науке классификация **детского фольклора** выделяет следующие группы детского фольклора: творчество взрослых для детей, в том числе материнский фольклор; произведения традиционной культуры взрослых, усвоенные детьми; самостоятельное детское творчество. Для решения поставленных задач автор использует первые две.

В первой группе выделяются колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, сказки, загадки, пословицы, поговорки. Во второй – обрядово-игровой фольклор (заклички, считалки, приговорки и присловья, сопровождающие игры); потешный фольклор (скороговорки, небылицы-перевертыши, сечки, молчанки, голосаенки)²⁷.

Колыбельная песня (байка, от байкать, баюкать) - песня, адресованная младенцу и направленная на то, чтобы он уснул. Колыбельная - от слова «колыбать», что значит качать. Русские колыбельные ориентированы на умиротворение, успокоение, гармонизацию, они имеют позитивный характер. Особенностью этого жанра является то, что нет четко прописанной сюжетной линии и не подразумевает завершения, оно возможно сразу же после засыпания ребенка. В целом, для колыбельных характерна высокая степень импровизации, а иногда это просто перепеваемый набор звуков: баю – бай, люли – люли²⁸. Основными идеями являются идеи сна, и роста малыша, всего исследователи насчитывают около 20 таких мотивов. Один из

²⁶ Осорина М.П. Секретный Мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999. С. 12.

²⁷ Чубрик Е.Ф. Русский детский фольклор как средство ранней инкультурации.

Автореферат накандидата культурологии. Владивосток, 2007. С. 20.

²⁸ Карабулатова И.С., Ермакова Е.Е., Зиннатулина Г.И. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: обряды, заговоры и колыбельные песни народов Тюменской области. Тюмень, 2005. С. 47-59.

самых распространенных мотивов – изгнание вредителя (Бука, Бабай, старик, волк), который мешает ребенку заснуть или покушается на младенца и пугает его.

Рис. 17. Бука
Источник: Мифологическая энциклопедия
<http://myfholology.narod.ru/monsters/buka.html>

Рис. 18. Серенький волчок.
Источник: Клуб-фото.
<http://club.foto.ru/gallery/photos/1226669>

Рис. 19. Дрема.
Источник: В сказке. <http://www.diary.ru/~vskazke/>

Еще один типичный мотив – призвание того, кто поможет ребенку заснуть и охранит его сон (Дрема, Сон, ангел, Богородица, а также кот, заяка). Кроме того, колыбельные формируют языковые парадигмы и интонационные нормы, подготавливая ребенка к освоению языка своей культуры

Пестушки еще один жанр раннего детского фольклора, это простейшие музыкально-поэтические произведения, которые предназначались для детей младенческого возраста, с их помощью взрослый занимал внимание малыша в то время, как совершал с ним те или иные действия: делал массаж, разводил ручки, ножки, подкидывал сидящего или стоящего у себя на коленях ребенка. Например, «Потягушечки, порастушечки, ручки – хватушечки, ножки – бегушечки!» Содержание пестушек конкретно и соотносилось с типом действия, производимого с ребенком, которые в свою очередь должны влияют на физическое развитие младенца, участвуют в формировании *пространственного* ощущения, через формирование схемы тела ребенка, научение манипулировать частями тела.. Особенностью этого жанра является его малый размер и краткость, импровизация, употребление в основном существительных и уменьшительно-ласкательных суффиксов²⁹.

Более сложной формой являются **потешки** - это короткие стихотворные приговоры и песенки, которые исполняются матерью, сопровождая забавы с ребенком. Потешки начинали применять, когда ребенок уже понимал речь и был в состоянии произносить некоторые слова. Основным принцип – развеселить и позабавить ребенка. Текст потешек неразрывно связан с игровым элементом, он оформляет игру, ведет за собой игровое действие. Игры, как правило, основаны на тактильном контакте взрослого и ребенка. Самая популярная игра это, конечно, «Ладушки»:

«Ладушки, ладушки.

Где были? У бабушки.

Что ели? Кашку.

Что пили? Бражку».

²⁹ Мадлевская Е. Пестушки //// Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 265-267.

Или «Сорока кашку варила...», «В ямку бух...» и др., которые заканчивались щекотанием ребенка или покачиванием ребенка. Кроме развлекательной функции, потешки имели еще и познавательный и дидактический элементы. С их помощью происходило знакомство в игровой форме с элементами окружающего мира, отсюда и частое упоминание в текстах предметов утвари, орудий труда, трудовых занятий характерных для крестьянского быта³⁰.

Прибаутка – это стихотворное произведение, от слова «баять» - говорить. Она уже не сопровождает игровое действие, прибаутка само по себе игра, но игра словесная. Использование ее было возможно тогда, когда ребенок был уже в состоянии не только осмыслить действие, но и понимать соотношение тех или иных понятий. Героями прибауток могут быть люди, их хозяйственные занятия, отношения с родственниками:

«Иванушка – простота,
Купил лошадь без хвоста,
Поехал жениться,
Привязал корытце,
Корыто мотается,
Жена улыбается».

Самая распространенная форма прибаутки – диалогическая, в виде вопросов и ответов. В целом, это уже художественные произведения, для которых характерны яркие образы, богатые рифмы и созвучия. Жанр прибаутки развивал логическое и образное мышление у малыша, учил пониманию причинно-следственных связей в окружающем мире³¹.

Сказка – один из наиболее любимых детьми жанров. Слово «сказка» как

³⁰ Мадлевская Е. Потешка // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 298-292.

³¹ Мадлевская Е. Прибаутка // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С. 303-2307.

название жанра детского фольклора, позднее, оно появилось не раньше VII в. До этого сказку называли басень, а сказочников «бахарями» и «баянами». Первоначально сказка не была жанром детского фольклора, сказки создавались взрослыми и для взрослых. Существует три классификационные группы: сказки о животных, волшебные сказки и новеллистические. Традиционно у всех народов собственно детскими считаются **сказки о животных**. Они довольно архаичны. Главными персонажами являются животные, которые наделены человеческими характеристиками и живут по законам человеческого существования. Приемы описания в них очень хорошо знакомы ребенку по многим произведениям детского фольклора: это диалог, повторяемость действия, рифма, ритм. Многие сказки построены по кумулятивному принципу (кумуляре – накапливаться), когда происходит многократное повторение одних и тех же аналогичных действий, которые завершаются неожиданным разрешением или расплетением в обратном порядке. Например «Колобок», «Репка».

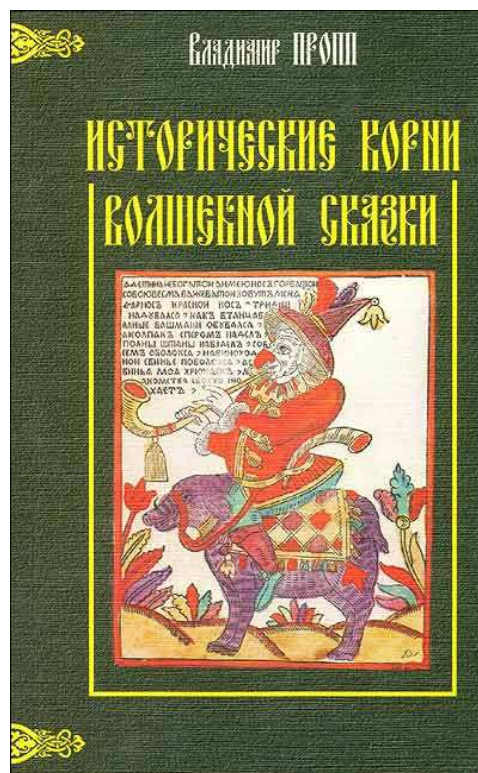

Рис. 20. Иллюстрация к сказке «Репка».
 Источник: Домашний ветер. <http://dom-iz-vetra.livejournal.com/>

Кумулятивные сказки формируют понятие целостности и обратимости времени и пространства. В них закладываются границы дозволенного, простейшие характеристики полов, появляется тема смерти как наказания за плохое поведение. Формируется позитивное отношение к старшим и младшим родственникам, к чудесным помощникам и покровителям. В отношении со старшими главное уважение, с младшими – забота и ответственность, с покровителями и чудесными помощниками – послушание в сочетании с уверенностью в себе. Например, образ опекуна-помощника появляется в сказке «Кот Котофеич».

Волшебные русские сказки становятся притягательными для детей 5-7 лет и развивают этнопсихологические категории через усложнение сюжета и метафор. Приоритет в изучении волшебных сказок принадлежит В.Я. Проппу³².

Рис. 21. Обложка книги В. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» М., 2009.

Корни волшебных сказок лежат в древних мифологическом повествовании и связанными с ним обрядами и верованиями. Волшебные сказки имеют устоявшиеся композиционные и стилистические законы. Так, сказочное повествование имеет специфические формулы – присказка вначале «Жили – были...», «В некотором царстве, в некотором государстве...», концовкой в завершении: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» – цель, которых состоит в том, чтобы сначала ввести, а в конце

³² Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2009.

вывести слушателя из волшебного мира и вернуть в реальный мир. Рассказывают о необходимости обладания особыми знаниями (формула обращения с Бабой Ягой), некоторой хитростью (умение притворяться беспомощным), отвагой (столкновение с неведомым врагом или препятствием), остроумием, неординарностью мышления (разгадывание загадок) и быстротой реакции (нахождение выхода из ситуации в короткие сроки).

Рис. 22. Баба-Яга. Художник: И. Билибин.
Источник: Искусство каждый день.
<http://www.arteveryday.org/>

Значительную часть сказочного репертуара составляют по времени происхождения – новеллистические сказки, которые часто называются бытовыми, так как очень тесно связаны с историей народного быта. Героями этих сказок являются обыкновенные люди, действующие в обычной бытовой ситуации. Здесь нет фантастических образов и удивляющих воображение событий. В бытовых сказках часто используется гротеск и преувеличение, но все же довольно реалистично отображают общественные и семейные взаимоотношения, в них с юмором высмеиваются людские пороки, а герои побеждают противников умом и находчивостью, но, как отмечалось, выше, этот тип сказок характерен для юношеского и взрослого населения.

Еще одним самостоятельным жанром детского фольклора является – **загадка**, которая представляет собой вопрос в поэтической форме. Чаще всего произведения этого жанра состоят из двух частей: собственно загадки, которая является иносказательным изображением предмета или явления, которые слушателю нужно определить, эта часть строится на сравнении,

метафоре, аллегории и отгадки. Истоки формирования этого жанра восходят к архаическим верованиям, когда существовал запрет произносить в определенное время и в определенных условиях (например, перед охотой) названия тех или иных животных, предметов, явлений. Некоторые исследователи также отмечают связь жанра с традициями тайной речи. О ритуальном характере и магическом значении загадки свидетельствует строго регламентированная традиция приуроченность их загадывания к определенным временным отрезкам как в рамках суток, так и годового цикла, а так же система запретов, связанная с этим занятием. Известно, что загадывание в крестьянской среде обычно было принято в святочные вечера, когда дети и подростки собирались дома, в семейном кругу. Вместе с тем, у восточных славян существовал запрет на загадывание загадок днем, летом, в Рождественский пост³³.

Загадывание загадок это своеобразный диалог между старшими и младшими членами социума, в процессе которого происходила передача знания от знающих к познающим. Основной состав репертуара загадок устойчив, его свод составляет около 5500 – 6000 единиц. В них находят свое отражение самые разные предметы и явления окружающие человека. Особенностью жанра является то что предметы никогда не называются прямо, очень характерен прием замещения, иногда приобретают фантастические свойства, например, неодушевленные предметы начинают говорить и двигаться:

«Без рук, без но, а ворота отворяет» (Ветер);

«Сидит баба на яру, ноги свесила в реку» (Водяная мельница);

«Стоят вилы, на вилах грабли, над грабли ревун, над ревуном сапун, над сапуном глядун, над глядуном поле, а за полем дремучий лес» (Человек).

Еще один прием – отрицание предмета загадывания, например, «На

³³ Мадлевская Е. Загадка // Русские дети. Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия. Спб., 2006. С.98- 103.

потолке в уголке висит сито, не руками свито» (Паутинка), «Желтая – а не масло, хвостатая – а не мышшь» (Репка).

Загадка как жанр бытует самостоятельно, а также встречается внутри произведений других фольклорных жанров: обрядовой поэзии (особенно свадебной и святочной), сказок, легенд. Бытование загадок со временем перешло из среды взрослых в среду детей всех возрастов. Дети усваивают загадки от своих первых воспитателей, а потом пересказывают друг другу. Загадки помогают развивать наблюдательность, учат сопоставлять разные явления действительности, знакомят с яркими образами народной поэзии.

Следующая группа детского фольклора очень тесно связана с игрой. Игра имеет огромное значение, как для духовного, так и для физического развития ребенка. Для взрослого человека игра - средство отдыха и веселья, для ребенка – это способ существования, социализации и подготовки к взрослой жизни. С точки зрения игровой концепции культуры, игра – это метод освоения человеком окружающей реальности, метод вживания во время и пространство. Методология игры – это методология миропонимания. Картина мира в любой ее форме: социальной, психологической, семиотической, этнической - прививается нам воспитанием и образованием, в том числе и в ходе игровой деятельности ребенка. Среди множества теорий социализации, существуют те, в которых выделяются несколько стадий развития ребенка тесно связанных с игрой. Это игровая стадия, во время которой ребенок с охотой примеряет всевозможные роли. Затем следует стадия игры (более высокий уровень), где ребенок вместе с другими начинает осуществлять упорядоченное взаимодействие между различными действующими лицами, примером чего может служить игра в «дочки-матери», распространенная повсеместно у большинства народов³⁴.

Под понятием «игра» подразумевается система увлекательных и веселых занятий, возникших в процессе развития человечества как

³⁴ Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры: Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (конец XIX - начало XX в.). М., 2004. С.16-37.

отражение форм труда, выполняющих функции физического и морально-эстетического воспитания подрастающего поколения, подготовка его к будущей жизни.

Детские игры чрезвычайно многообразны по содержанию, характеру, организации, поэтому точная классификация их затруднительна. Как правило, классификационные системы дополняют друг друга и пересекаются по многим направлениям. Например, выделяют игры для детей трех возрастных категорий: младенческие, детские и отроческие. Или существует подразделение игр на те, которые проходят в помещении и те, в которые играют на свежем воздухе. Кроме того, игры традиционно делят на летние и зимние. В данной работе принята несколько более сложная классификация детских игр. Исходя из характера основных детских игр, их можно разделить на:

1. подвижные (спортивные) – игры по правилам, разработанным заранее. Эти игры всегда считались максимально общественно полезными, поскольку они направлены на формирование различных физических умений и умственных способностей. Они характеризуются состязательностью, ярко выраженным тренировочным эффектом. Простое тренировочное упражнение обростаёт всевозможными «непрагматическими» дополнениями, в результате чего рождается игра.
2. драматизированные (ролевые, творческие) - игры без правил, которые различаются по содержанию (отражение быта, труда взрослых, событий общественной жизни); по организации, количеству участников (индивидуальные, групповые, коллективные); по виду (игры, сюжет которых придумывают сами дети, игры-драматизации — разыгрывание сказок и рассказов; строительные). При всем разнообразии творческих игр в них есть общие черты: дети сами выбирают тему игры, развивают ее сюжет.

3. хороводные (орнаментальные) – игры с разработанной хореографической композицией. Игровое действие представляет собой ритмический способ передвижения нескольких человек, обычно под песню³⁵.

Один их наиболее важных способов физического развития в традиционной педагогике – **подвижные (спортивные) игры**. Они укрепляют здоровье, способствуют физическому развитию ребенка, содействуют в овладении жизненно важных навыков и формируют морально-волевые качества. Участвовать в них могли дети всех возрастов, но в силу физиологических, психологических, физических различий дети для таких игр объединялись по возрасту и полу. Структура неизменна для всех регионов бытование: это конание, непосредственное действие и наказание проигравшего. Репертуар подразделяется на следующие виды: игры с силовым содержанием, в них принимали участие обычно мальчики; Игры основным элементом которых являлось состязание в беге (Горелки, догонялки, пятнашки, третий лишний, прятки, гуси-лебеди, казаки-разбойники и т.д.); Игры с бросанием или метание, сюда же входят игры с мячом (лапта, чиж, городки, в ножички, вышибалы, стенка); Игры с прыжками и скачками (чехарда, классы, игры с веревочкой); игры на сохранение равновесия и развитие этого качества, например, построение пирамид; игры на внимание (верю - не верю, колечко и др.).

Важным элементом спортивных игр является конание – игровое действие, в ходе которого определяли очередность или деление участников на группы и партии, а также выявляли водящих (голящих). Оно происходило с помощью жеребьевки или считалки. Выбор по жребию устанавливался разными формами, например, мерится по палке, для этого брали палку длиной около метра, один из играющих захватывал рукой конец палки, следующий делал тоже самое, тот кто последний накрывал конец палки, на

³⁵ Игра // Русские дети. Основы народной педагогики. СПб., 2006. С. 129 – 133.;
Спортивные игры // Там же. С. 350-357; Драматизированные игры // Там же. С.85-94.;
Хороводные игры // Там же. С. 379-383.

того и выпадал жребий. Широко известна жеребьевка по спичкам или соломинкам.

Для определения очередности в игре немецкие дети использовали **считалки**. Свое название этот жанр детского фольклора получил в соответствии со своим назначением и формой исполнения, так как в них используются слова, относящиеся непосредственно к счету, используется перечислительная рифма, интонация и ритмичность. Жанр считалки является уникальным, не имеющим аналогов во взрослом фольклоре и представляет собой своеобразную прелюдию к игре, необходимый ее атрибут и культурно оформленную реализацию игровых отношений.

Можно выделить три группы считалок: считалки, в которых содержится ряд слов, включающих значение чисел, например:

Раз два—три—четыре—пять,
Будем—в прятки—мы—играть.
Небо—звёзды—луг—цветы
Ты—пойди-ка—пово—ди!

Раз два—три—четыре—пять,
Вышел—зайчик—погу—лять,
Вдруг—охотник—выбе—гает,
Прямо—в зайчи—ка стре—ляет
Пиф—паф—ой-ой—ой
Уми—рает—зайчик—мой.
При—везли—его—в больницу,
Отка—зался—он—лечиться,
При—везли—его—домой,
Ока—зался—он—живой.

вторая – тексты, состоящие полностью или частично из так

называемых заумных слов, присутствие такие слов это своеобразный момент гадания, которое определяет жребий – судьбу игроков

Эни-бени-рики-таки-
турба-орба-синти-бряки
эус-бреус-касмадеус- бац,

третья – произведения, не содержащие ни счетных, ни заумных слов, представляющие собой сюжетные зарисовки:

Ехала карета темным лесом
За каким-то интересом
Инте-инте-интерес -
Выходи на букву "эс".

На златом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной -
Кто ты будешь такой?
Говори поскорей,
Не задерживай
Добрых людей!

Особенностью языка считалок является их лаконичность, фразы в них кратки и чаще всего равны стиху.

Не меньшее значение для развития ребенка имели и **драматизированные игры**, в ходе которых разыгрываются сценки, воспроизводящие эпизоды из жизни окружающего детей мира. Для проведения таких игр дети «строили дома», создавали интерьер с помощью предметов, приносимых из дома игрушек. Девочки часто сами для таких игр шили кукол из ткани, а затем набивали опилками. Существует довольно

много видов игровых кукол к ним относятся: веснянки, столбушка, парочка кукла шитьевая, кукла на палочке, конь и птица из лыка, кукла из льна, живуля, кукла на ложке, барыня и работница, девка-баба (перевертыш).

Рис. 23. Живуля.

Рис. 24. Девка-баба

Рис. 25. Парочка.

Источник. Народная игрушка: кукла. <http://www.rukukla.ru>

Часто девочки шили кукол из лоскутков, оставшихся после того, как мама сошьет какую-нибудь вещь. Для изготовления волос использовали кукурузу. Иногда кукол вязали из шерсти спицами или крючком³⁶.

³⁶ Берстенева Е., Догаева Н. Кукольный сундучок: традиционная народная кукла. М., 2010. 112 с.

Особенностью драматизированных игр является то, что они менее консервативны, чем, например, спортивные, игры, и менее регламентированы. Драматизированные игры - динамичны и часто отражают вехи современной жизни. Среди них выделяют бытовые, трудовые игры и игры в животных. В бытовых играх дети воспроизводят сценки из общественной жизни. К таким играм можно отнести игры «в торговлю» - дети воспроизводят момент купли – продажи, «в школу» - воспроизводится момент обучения, главные действующие лица в игре учитель и ученик, мальчики часто играли «в войнушку».

О трудовых играх уже упоминалось в разделе о трудовом воспитании ребенка, отметим, что именно эта категория игр позволяет освоить весь комплекс хозяйственных работ. Дети в русских семьях имитировали прядение, уборку, побелку, уборку урожая и т.д. Специально для детей взрослые мастерили орудия труда, отличающиеся от настоящих только размерами, например, грабли, лопатки, машинки, корзины и т.п.

И, наконец, последняя жанровая группа детского фольклора – так называемый потешный фольклор: скороговорки, сечки, молчанки, голосянки, небылицы и дразнилки.

Голосянка - это речевая игра, она заключалась в том, чтобы дольше всех протянуть голосом какой-либо звук не переводя дыхание, например, «Давайте, ребята, голосянку тянуть, кто не вытянет, того за волосы будем рваааа...ть» В таких приговорках звучало две темы – приглашение к игре и определение наказания для проигравшего. **Молчанки** – это и игра и приговор, который сопровождал начало, суть - после последнего слова не промолвить ни слова и не рассмеяться, пример, «Ехали татары, кошку потеряли, кошка сдохла, хвост – облез, кто промолвит тот и съест». Игра способствовала выработке волевых качеств и умению управлять своими эмоциями. Молчанка могла быть не только игрой-развлечением, но и средством наведения порядка и тишины. **Сечки** – это стихотворные тексты, сопровождающие своеобразную забыву, которая заключалась в нанесении

зарубок на дерево «Секу, секу, пятку, секу, секу двадцатку». **Небылицы** - особый вид прибауток - песенки-небылицы и перевертыши, которые помогают малышу понять реальное и фантастическое, укрепляют ребенка в правильном восприятии и ощущении мира. Небылицы, в которых реальные связи нарочито смещены, предназначены для детей более старшего возраста, уже имеющих достаточный жизненный опыт, чтобы почувствовать всю парадоксальность описываемой ситуации. Чтение таких стихов способствует развитию свободы мышления, фантазии и, что немаловажно, чувства юмора³⁷.

Из-за леса, из-за гор
Едет дедушка Егор.
Сам на лошадке,
Жена на коровке,
Дети на телятках,
Внуки на козлятках.

И последнее, о чем хотелось бы рассказать - это тайные языки, используемые детьми в общении друг с другом, чаще всего их используют дети 7-13 лет. Появление этого жанра вызвано желанием обособиться как от взрослого мира, так и от мира малышей. Использование тайного языка выступало также и в качестве демонстрации рамок определенного возрастного сообщества или группы внутри его. Кроме того, это был действенный способ привлечь к себе внимание. Феномен тайных языков характерен для городов и крупных сел, особенно популярны в училищах, школах и других подобных учебных заведениях. Часто тайные языки в своей основе имели обычный язык и строились с помощью вкрапления в общеупотребляемые слова одного или двух слогов, или заумных слов, то есть

³⁷ Русские дети. Основы народной педагогики. СПб., 2006. С. 358-361, 340-341, 37-38, 199-201.

звуковых сочетаний лишенных какого-либо смысла. Эти слоги и слова могли располагаться как вначале слова, так и после каждого слога. Более трудными для освоения и восприятия были языки, построенные на сложных перестановках слогов в обычном слове. Отдельную группу составляли языки слова, в которых произносились задом наперед. Такие языки называются оборотными. Особое место занимает так называемый тарабарский язык, в основе его лежит замена десяти согласных звуков в начале алфавита, десятью буквами завершающими алфавит. Как только язык расшифровывался теми кто его не должен был знать, тайный язык менялся или усложнялся. Появлению тайного языка способствовала книжная культура, например, одним из источников пополнения лексики тайного языка были романы Фенимора Купера, из них в детские тайные языки пришли такие слова как колумед – трубка мира, коммузи – хижина, мувид – медведь и др³⁸.

Подводя итог, хотелось отметить, что этнография детства, в том числе и детский фольклор сложная интересная и требующая дальнейшего изучения тема.

³⁸ Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М., 2009. С. 594-619.